

Результаты свидетельствовали, что в постели талантливый и мужественный Жун Тянь не только не уступал, но даже был превосходнее, чем на поле боя.

Прославленный на весь мир князь Мин, проделав трюки и даже используя дерзкую тактику, в конечном счёте устроил постыдный скандал. Но, к своему удивлению, под натиском нежных «атак» Жун Тяня всё же потерпел поражение и был вынужден ночью, неоднократно утопая в море наслаждений, вновь испытать особые ощущения от скользящего внутри него эпохального презерватива.

К огромному счастью, этот презерватив из бараньих кишок был сделан намного лучше и не соскользнул, оставаясь в юноше, как это было с предыдущим.

После бурного секса двое мужчин почувствовали лёгкое онемение во всём теле, словно находились в толще облаков. Тяжело дыша и лёжа бок о бок, они наслаждались сокровенным и счастливым послевкусием.

Через какое-то время Фэн Мин открыл глаза и, уставившись на висевшую над головой деревянную крышу кровати, усыпанную гравированными цветами, внезапно сказал:

— Наш новый министр Ле Чжунлю и впрямь весьма талантлив.

На что Жун Тянь с силой дважды шлёпнул юношу по ягодицам и, притворяясь сердитым, проговорил:

— Не ожидал, что в такой момент ты осмелишься произнести имя другого мужчины.

Разомлевшее тело Фэн Мина повернулось, выбирая очень удобную позу, а сам юноша, напыщенно растянувшись на мужчине, с хихиканьем сказал:

— Оказывается, ты ревнуешь. Верно, Ле Чжунлю талантлив, к тому же очень высок и привлекателен, а также обладает крайне очаровательным характером. Ты без проблем можешь потерять уверенность в себе.

Жун Тянь посмотрел на совершенно обнажённого юношу, похожего на изысканную и жемчужно-белую нефритовую куклу, на едва различимые во тьме изгибы привлекательного тела и, не сдержавшись, погладил шероховатой ладонью оттопыренные ягодицы, вместе с этим, не отводя взгляда, поцокал языком:

— И впрямь гладкие.

От этого прикосновения тело Фэн Мина обмякло, поясницу охватило чувство паралича, а сам юноша, мягко прикусив нижнюю губу, лёг на широкую и мужественную грудь Жун Тяня.

— Кто, по твоим словам, талантливее меня, высок, привлекателен и обладает крайне очаровательным характером? — с умыслом спросил мужчина.

На что Фэн Мин неслышно рассмеялся.

Мужчина, фыркнув, стал сильнее поглаживать и, переместив руку между ягодицами, заскользил туда и обратно. Вход, из которого только что вышел член Жун Тяня, нервно начал сжиматься.

Тело юноши понимало яснее, чем сам Фэн Мин.

Спустя минуту князь тотчас же, прищурившись, жалобно взглянул на мужчину, однако крайне возмутительный Жун Тянь совершенно не собирался вводить кончик пальца.

— Эй!

— М? — спокойным и самодовольным взглядом Жун Тянь посмотрел на князя.

Сердце билось всё быстрее и быстрее, ноги уже раздвинулись, да так, словно «седлали» мужчину, а задний вход всеобъемлюще желал, чтобы его приласкали. С усилием подняв голову с груди Жун Тяня и вскоре приподнявшись на руках, юноша не только не добился от него реакции, но, наоборот, ещё больше возбудился. Часто дыша, Фэн Мин вновь разомкнул губы, позволяя стону сорваться с них, после чего припал к груди Жун Тяня и слегка сжал зубами тёмно-красный сосок.

— Ах! — Жун Тянь разразился смехом. — Разве только что ты не говорил, что совершенно не хочешь заниматься этим сегодня ночью?

Сгорая от стыда, Фэн Мин не удержался и, подняв руку, ударил по мягкой подушке, как раз рядом с лицом Жун Тяня, и довольно влиятельно и очень злобно проговорил:

— Если собираешься этим заняться, то тотчас же займись, незачем многословить! Иначе вместо этой подушки будет твоё лицо.

Жун Тянь, не воспринимая всерьёз угрозу юноши, перевернул Фэн Мина, позволяя тому лечь ничком, и, ловко подтянув подушку, которая пока была вместо его, Жун Тяня, лица, подсунул под юношу.

Звонко шлёпнув по прелестным и упругим ягодицам Фэн Мина, мужчина в возвышенной манере[1] спросил:

— Кто, по твоим словам, ревнует?

— Разве можно бить любимого по заднице? — завопил Фэн Мин.

— Хорошо, не буду бить, не буду, — порочно проговорил Жун Тянь. — Тогда можно поглаживать? — И действительно, прекратив шлёпать и начав поглаживать, император Силэй вторгся в тело любимого.

Подвергнув Фэн Мина ласковым мучениям, мужчина заставил юного князя непрерывно вдыхать холодный воздух и несдержанно изогнуться, лишь тогда неторопливо Жун Тянь направил плоть в наполненное спермой колечко мышц, чуть замедлившись, остановился, но спустя мгновение внезапно двинул бёдрами, вводя член до самого основания.

Фэн Мин довольно и в то же время мучительно начал стонать.

Жун Тянь, скользя туда-сюда, лукаво рассмеялся:

— Хм, Ле Чжунлю действительно неплох. Если бы не его предложение, то, завтра отправившись в путь, как бы мы смогли поразвлекаться всласть?

Фэн Мин же, ощущая, как тело охватывает жар, закрыл глаза и постанывал, совершенно забыв о Ле Чжунлю.

Проснувшись утром, князю сложно было избежать боли в пояснице. Однако вчера ночью он сам спровоцировал Жун Тяня, поэтому юноше ничего другого не оставалось, как, смирившись с поражением, молча терпеть последствия страстной ночи.

Цю Лань и другие служанки, как обычно, пришли помочь им причесаться, умыться и переодеться. Фэн Мин же постоянно думал о Ле-эре и, воспользовавшись удобным случаем, отправился спросить Цю Юэ и Цю Син.

Цю Син, покраснев, сжала губы и не проронила ни слова.

Однако Цю Юэ ответила:

— Он вчера действительно напился и шёл шатаясь. Мы составили ему компанию и проводили в его комнату, где помогли лечь на кровать, подали горячей воды, чтобы он умылся, и после этого ушли.

— Князь Мин, настолько сильно беспокоитесь? Я вчера ночью хорошо позаботилась о нём. — Цю Лань, взяв приготовленный бирюзовый пояс и закрепляя его на талии Фэн Мина, услышала их разговор о Ле-эре и хмуро проговорила: — Жун Ху сказал, что он, вероятно, перебрал, и я вчера ночью пошла проверить, но Ле-эр, к удивлению, ещё не спал, а в руках держал неизвестно откуда украденную бутылку вина. Я потратила немало слов, чтобы уговорить его отдать мне бутылку, после чего отправилась к себе спать. Ле-эр по характеру слишком упрям,

если бы принц Юн И был рядом, то кто знает, может, он был бы очень послушен.

Цю Юэ внезапно прикрыла рот рукой, очевидно, дико хохоча.

Фэн Мин и Цю Лань с изумлением спросили:

— Цю Юэ, ты чего смеёшься?

— Цю Син, она...

— Никчёмная Цю Юэ, осмелишься болтать вздор, я тотчас же побью тебя! — Цю Син, не зная, что именно хотела рассказать Цю Юэ, стремительно покраснела и, сделав предупреждение, пристально уставилась на близняшку.

Разве Цю Юэ боялась злости сестры? И, состроив гримасу, сказала со смехом:

— Если ты будешь умолять меня, то, возможно, я ещё сохраню твою тайну, но станешь запугивать, я, наоборот, всё расскажу.

Фэн Мин спросил:

— Да что в конце концов случилось?

Цю Юэ громко проговорила:

— Вчера Ле-эр обнял Цю Син, а ещё поцеловал!

Всех охватило любопытство, и на девушку посыпались вопросы.

Цю Юэ с довольным видом сказала:

— Вчера мы, составляя компанию Ле-эру, вернулись к нему в комнату, Цю Син помогла расстелить кровать, я пошла за горячей водой, чтобы он умылся, а когда вернулась, то увидела, как Ле-эр крепко обнимает Цю Син.

На что девушка зло топнула ногой:

— Никчёмная Цю Юэ, замолчи, сейчас же замолчи! Смотри, а то я тоже расскажу твою тайну!

— Пф, что ты хочешь сказать обо мне? — Весело отозвавшись, девушка стала изображать то, что случилось вчера: — Ле-эр так обнял Цю Син и отчаянно заговорил: «Умоляю тебя, умоляю тебя», а Цю Син в его объятиях не осмелилась ударить, но беспрестанно начала повторять: «Отпусти, отпусти, я не Юн И, я не Юн И!»

— Кто сказал, что я не осмелилась ударить его, просто не смогла. — Поначалу руки девушки лежали на плечах Фэн Мина, однако сейчас служанка внезапно, опустив их, бросилась к близняшке.

Цю Юэ, развернувшись и стараясь скрыться от сестры, с хихиканьем проговорила:

— Верно, ведь он обнял так сильно, что ты, конечно, не смогла его ударить. — Хрупкая фигурка забежала за спину Фэн Мина, прячась от мстительной сестры.

Это развеселило юношу, однако в то же время и разозлило. Увидев, что Цю Син намеревается ударить Цю Юэ, князь сразу же, вытянув руку, схватил Цю Син за тонкое и белоснежное запястье, второй рукой он схватил прячущуюся за ним Цю Юэ и вытянул из «укрытия». Пристально глядя то на одну сестру, то на другую, Фэн Мин проговорил:

— Вы совсем обнаглели, используете меня, как щит?

Но вмешалась Цю Лань с вопросом:

— Что было дальше?

— Дальше? — Цю Юэ ответила: — Дальше случилось нечто потрясающее: Ле-эр всё больше и больше распался, крича: «Ты не Юн И, ты, конечно же, не Юн И, кто сказал, что ты — Юн И?» Он всё больше и громче говорил, мы даже испугались. Цю Син, ты слышала, что Ле-эр ясно различает, кто его возлюбленный, а кто — нет. Он сразу понял, что обнимает тебя, а не принца Юн И.

Фэн Мин внезапно напрягся, выпустив руки сестёр, спросил:

— А дальше?

Цю Юэ прыснула от смеха, говоря:

— Дальше он обнял Цю Син и поцеловал её в губы.

— Нет, нет! Он не целовал, лишь прислонился головой ко мне, но я всё же вытянула руку, чтобы заслониться, и тем самым его губы коснулись только моей руки, — смущённая и злая Цю Син тотчас же провела грань.

— Какой руки?

Как раз во время разговора внезапно раздался чей-то голос.

И силуэты Ле-эра, Жун Ху и Цзы Яня неожиданно появились в дверях.

Все сильнее зашумели, делая атмосферу ещё оживлённее.

Цю Юэ, словно получив свидетеля, подпрыгнула и, указывая на кончик носа Ле-эра, проговорила:

— Ле-эр, а ну признавайся, ты вчера, понимая, что обнимаешь Цю Син, всё же поцеловал её руку.

Цю Син громко вскрикнула:

— Нет, нет, Цю Юэ несёт вздор! Ле-эр, скорее внеси ясность.

Хоть Ле-эр был с похмелья и его глаза были чуть-чуть припухшими, однако сам юноша, как обычно, вёл себя беззаботно и оживлённо. Услышав несколько слов Цю Син, юноша уже понял, из-за чего близняшки поспорили, и с хохотом сказал:

— Терять голову от объятий и поцелуев такого красивого молодого мужчины, как я, в самом деле счастливая доля, которая вряд ли выпадет в течение трёх поколений. Ну давай, Цю Юэ, хочешь тоже это испытать? — Вытянув руки и не говоря ни слова, Ле-эр широким шагом направился напрямик к девушке.

Звонко вскрикнув, Цю Юэ развернулась, чтобы убежать.

Однако стоящая позади неё Цю Син ехидно толкнула сестру и, по счастливому совпадению, как раз в сторону Ле-эра.

Ле-эр же, воспользовавшись случаем, принял этот «подарок» и, держа Цю Юэ в объятиях, с хохотом и неожиданно с жаром стал целовать щёчки напуганной служанки. Крепко поцеловав ещё и губы, юноша громко воскликнул:

— Недурно, недурно, на первый взгляд это выглядит довольно обычно, однако от поцелуев становится весьма влажно. Да, кстати, Цзы Янь, — Ле-эр обернулся к стоящему сзади молодому генералу и спросил: — Хочешь тоже поцеловать её в губы?

— Не надо, не надо! — чуть ли не плача запротестовала Цю Юэ.

— Все, ради этого императора, успокоились, довольно шуметь! — Сидящий в стороне Жун Тянь наконец-то заговорил, блёкло приказывая: — Цю Юэ и Цю Син, приведите в порядок наряд Фэн Мина. Цю Лань, иди подай завтрак. Ле-эр, ты можешь наделать кучу хлопот, так что подойди к этому императору и, стоя рядом, как следует обдумай собственные ошибки. Цзы Янь, о чём доложишь?

В комнате внезапно воцарилось спокойствие.

Все незаметно высунули языки, после чего каждый, как и следовало, отправился делать свои дела.

По большому счёту Цзы Янь, стоя перед лицом Жун Тяня, упорядоченно доложил об оборонных укреплениях города, после чего добавил:

— После вторжения в Юэчжун Ваш слуга тотчас же отправил на южную сторону разведчика, который уже вернулся и доложил, что, скрываясь в заранее условленном месте, увидел вдовствующую императрицу. И так совпало, что Её Величество только что прибыла в Юэчжун. Согласно словам вдовствующей императрицы, с тех пор, как государь покинул корабль, высадившись на берег, флотилия кораблей на реке Оман больше не сталкивалась с каким-либо препятствием. Вот только, чтобы избежать обнаружения их следов, вдовствующая императрица, также последовав за нами, очень скоро высадилась на обветшалую пристань, где переоделась и отправилась сухопутным путём. Конечно, хоть она со своими людьми шла по суше, однако в сравнении с нами переходить через горы, переваливать через хребты[2] им было намного легче, ведь там можно было использовать повозку, потому они довольно скоро добрались до Юэчжуна.

Фэн Мин, вспомнив, что владеет огромным богатством отца, вмешался в разговор, спросив Цзы Яня:

— А где флотилия кораблей?

— Она тогда осталась под управлением Ло Дэна, который продолжил идти по течению реки Оман. — Цзы Янь хоть не часто подавал голос, в действительности его сердце было чистым, и юноша тепло сказал: — Князю Мину не стоит беспокоиться за корабли. Репутация мастера Сяо Шэнши всех пугает, и так как на борту нет государя, к тому же сам мастер Сяо не касается основной политики, никто не захочет трогать корабли мастера Сяо Шэнши и даже оскорблять самого мастера Сяо Шэнши.

Жун Тянь проговорил:

— Мать-императрица ещё не знает, что наш план изменился.

— Да, именно поэтому Ваш подчинённый отправил человека, чтобы тот передал вдовствующей императрице новость о небольшом изменении плана.

Жун Ху, слушая отчёт Цзы Яня, сейчас в недоумении сказал:

— Раз уж новый наследник престола Юнъинь Юн Цюань был в курсе, что мы находимся на корабле, и знал, что нужно на середину реки выставить препятствие в виде камней, так почему с того момента, как мы начали подниматься в горы, он больше не тронул флотилию кораблей, позволив ей беспрепятственно продолжить путь по воде? Если он действительно вступил в сговор с Жун Туном, то мог бы принять меры и постоянно задерживать корабли.

Стоило ему это сказать, как Фэн Мин тотчас же всё осознал.

— Верно, это действительно странно, — и юноша внезапно вздрогнул. — Неужели он уже знает, что мы высадились на берег?

Жун Тянь, покачав головой, сказал:

— Юн Цюань совсем не знает, что мы высадились на берег. Однако дело не только в этом, на самом деле, кажется, этот тупица совсем не знал, где мы, не говоря уже о том, чтобы чинить нам препятствие, высыпая камни в реку и задерживая флотилию. — Если бы он и впрямь был умным, тогда бы этот император не стал приказывать Ле-эру, чтобы тот уговорил Юн И отказаться от титула наследного принца, и позволять Юн Цюаню стать новым наследным принцем вместо старшего брата.

— Это не Юн Цюань, — Фэн Мин изумился. — Если это не Юн Цюань, тогда кто?

— А есть ещё кто-то? — и Жун Тянь обнажил шелковинку горькой улыбки.

— Но кто? — почесал в затылке юноша.

Жун Тянь, с сожалением вздохнув, поманил юношу пальцем:

— Подойди сюда.

Фэн Мин, уже закончив переодеваться, послушно подошёл к мужчине.

Погладив юношу по голове, Жун Тянь сказал:

— Воспользуйся своим недалёким умишком и подумай, зачем нам пришлось идти в это захолустье — Юэчжун? К тому же у кого давно уже созрел план[3] и кто знает, как заполнить этот лёгкий в защите, но сложный в атаке городок?

Внезапно осознав, юноша истошно закричал:

— Неужели это Ле Чжунлю?

— Князь Мин звал меня? — раздался сзади полный бодрости голос.

Фэн Мин, испугавшись, резко обернулся: перед взором оказался красивый и статный Ле Чжунлю.

Действительно, днём не говорят о людях, а ночью о дьяволе — иначе стоит лишь упомянуть, тут же явится.

Ле Чжунлю сегодня был облачён в хлопчатобумажное платье. Синий материал был несколько выцветшим, однако сам наряд был опрятным. Мужчина, войдя в комнату, с каждым поздоровался и спросил, обращаясь к Фэн Мину:

— Князь Мин только что звал меня, зачем?

На что юноша громко начал кашлять.

Ле-эр, вчера пивший вместе с мужчиной, наоборот, с ним немного сдружился и вместо Фэн Мина ответил:

— Князь Мин хотел спросить: министр накидал камни в реку Оман?

— Оказывается, о том недоразумении?! — Выслушав, Ле Чжунлю спокойно сказал: — Конечно, это я.

Фэн Мин оказался в недоумении:

— Если министр не хотел, чтобы мы шли по воде, то прямо бы сказал об этом, ведь Вы превосходно красноречивы и наверняка могли нас уговорить двигаться по суше. К чему устраивать такую огромную диверсию? Из-за этого мы стали полагать, что нас уже обнаружили, что же тогда говорить о том, что камни стали препятствием не только нам, но идущей за нами флотилии кораблей, задержав их на неопределённое время.

На что Ле Чжунлю рассмеялся:

— Князь Мин не посчитал это приключение несколько интересным? Не стоит беспокоиться за остальные свои корабли, у основного грузового судна мастера Сяо Шэнши осадка крепче и глубже, чем у кораблей императора. У прочих кораблей осадка не такая глубокая, и они не могут попасться в каменную ловушку. Я всё это учёл.

— Неверно, — тщательнее вдумался Цзы Янь и, нахмурившись, проговорил: — Тогда министр тоже был на корабле и никогда не ускользал из-под взора моих людей. Как министр мог, находясь на корабле, учинить каменное препятствие посреди реки?

Ле Чжунлю явно заинтересовал подобный козырь, на что мужчина сказал со смехом:

— Конечно же это препятствие там появилось раньше, просто я предугадал маршрут. Вы кроме Силэй разве куда-то ещё плывёте? Я за день до отплытия приказал людям свалить камни в реку, позже на лошади я проехал вдоль реки, возвращаясь, и близ берега стал ждать, когда вы приедете.

Ле-эр тоже начал смеяться:

— Действительно очень интересно. А ну-ка, позвольте мне поцеловать министра в знак уважения и восхищения. — И двумя руками пылко обнял мужчину.

Ле Чжунлю изменился в лице и, изо всех сил отмахиваясь, проговорил:

— Нельзя, нельзя. Я человек спокойный и уважаю себя, и мне меньше всего нравится, когда пускают руки в ход[4]...

Все обомлели, сильно удивившись.

Ладно, если бы это были чужие люди, к тому же всегда казалось, что этот Ле Чжунлю, красивый и сумасшедший мужчина, лишь завидев красивое, тотчас же хотел обнять, поцеловать и прикоснуться.

Однако сегодня... почему сегодня он внезапно изменился?

Ле-эр, подвергшись резком отказу со стороны мужчины, сказал, высмеивая:

— Ну, хорошо, мы не станем пускать руки в ход, только губы. Маленький поцелуйчик и всё. — И вновь вытянул алые губы.

— Ле-эр, ты слишком наглый, — внезапно, понизив тон, крикнул Жун Тянь.

На что юноша вздрогнул всем телом, внезапно застывшая улыбка исчезла с лица, а сам Ле-эр больше не осмелился шутить над Ле Чжунлю.

Фэн Мин заметил, что юноша, подвергшись резкому осуждению[5] со стороны Жун Тяня, словно покрылся инеем, резвость и энтузиазм исчезли, а сам одиноко стоящий в стороне Ле-эр

выглядел очень жалко. От этого сердце ещё больше смягчилось, а сам князь ласково проговорил:

— Ле-эр, вчера ты слишком много выпил, не болела ли голова от этого, и хорошо ли ты спал? Подойди и присядь рядом с нами.

На что Ле-эр, проронив «слушаюсь» и с осторожностью глядя на государя, послушно подошёл к Фэн Мину и присел рядом.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «стопы высоки и манеры возвышенны», обр. в знач.: важничать, задирать нос.

[2] Обр. в знач.: преодолеть тяжёлый путь, совершить трудный переход.

[3] В оригинале фраза звучит как «с готовым бамбуком в душе (в уме) [прежде, чем начать рисовать его]», обр. в знач.: иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

[4] В оригинале фраза звучит как «пустить в ход руки и ноги», обр. в знач.: а) шутить, баловаться; б) распускать руки, лапать, заигрывать с женщинами.

[5] В оригинале фраза звучит как «воздействовать [на ученика] палкой и окриком», также обр. в знач.: выводить на правильный путь, резко осуждая проступки.

<http://bllate.org/book/13377/1190202>